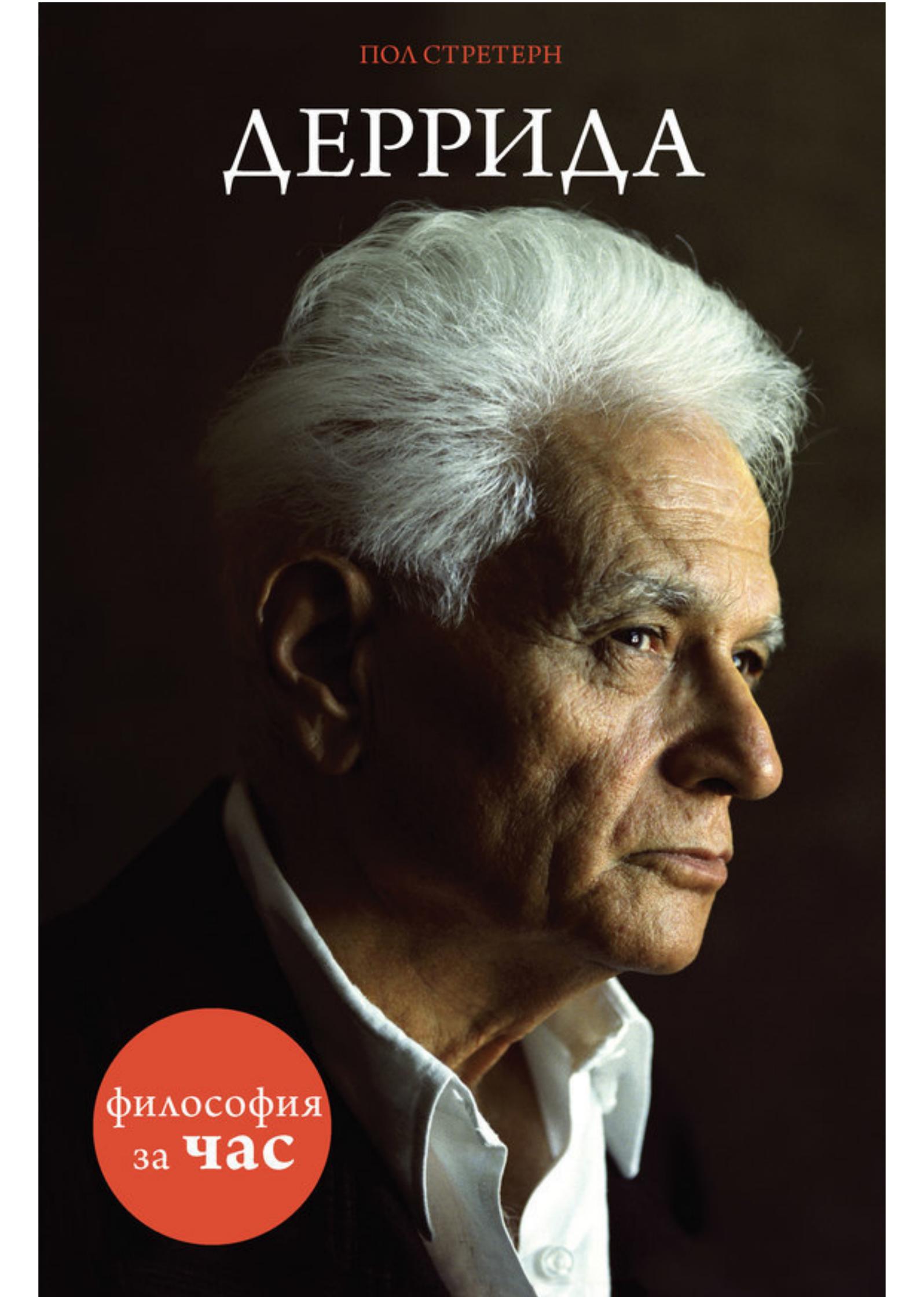

ПОЛ СТРЕТЕРН

ДЕРРИДА

A close-up, profile portrait of Paul Strater, an older man with white hair, looking thoughtfully to the right. He is wearing a white collared shirt under a dark jacket. The lighting is dramatic, highlighting the texture of his hair and the contours of his face against a dark background.

философия
за **Час**

Философия за час

Пол Стретерн
Деррида

«Азбука-Аттикус»

1997

Стретерн П.

Деррида / П. Стретерн — «Азбука-Аттикус»,
1997 — (Философия за час)

Жак Деррида (1930–2004) – один из самых известных мыслителей XX века, ключевая фигура постструктурализма. Его имя прежде всего связывается с «деконструкцией» – формой критического чтения и анализа текста, предполагающей особую интерпретацию западной метафизики и традиционной западной философии в целом, а также повседневного мышления и языка. Деррида стремился вскрыть условности, которыми оперирует философия, ее допущения и скрытые коды; показать, что весь язык построен на двусмысленностях и что «вне текста нет ничего». Нестандартные идеи Дерриды оказали значительное влияние на современные философию, эстетику, литературоведение и другие гуманитарные дисциплины.

Содержание

Введение	6
Жизнь и труды Дерриды	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Пол Стрeтерн

Деррида. Философия за час

Paul Strathern

DERRIDA

Philosophy in an Hour

© Paul Strathern 1997

© Бушуев А., Бушуева Т., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус», 2014

КоЛибри®

Введение

«Ничто я не люблю так, как процесс воспоминаний и сами воспоминания», – написал в 1984 г. Жак Деррида, повествуя о своем близком друге, умершем незадолго до этого, философе Поле де Мане. В то же время Деррида признался: «Я никогда не умел рассказывать истории». Эти два столь противоречивых высказывания вполне в его духе. Как сказал он о себе самом: «Это потому, что он помнит, он теряет нить повествования».

Образ остается «доходчивым»; включение его в «текст» неизбежно размывает его, требует истолкования. Пока все идет нормально. Сюрприз ожидает нас дальше, когда мы обнаруживаем, что в последующем повествовании Дерриды отсутствует не только образ друга, но и всякое воспоминание о нем. Не говоря уже о том, что нет даже намека на рассказ о нем: ибо это навязало бы нам интерпретацию. И все же эти так называемые воспоминания парадоксальным образом посвящены интерпретации интеллектуальных достижений его друга.

По словам самого Дерриды, он строит с Маном «косвенный диалог», туманно интерпретируя его труды с целью «разумного истолкования» и с оглядкой на «батарею перформативов» таких личностей, как Хайдеггер, Остин, Гельдерлин и Ницше.

Любой ясный и здравый подход к трудам Дерриды наталкивается на серьезные препятствия. Хуже того, он абсолютно противоречит авторским намерениям. Таким образом, я как автор считаю своим долгом предупредить читателя, что моя попытка достоверно описать жизнь и философские труды Дерриды им самим была бы оценена как контрпродуктивная и безнадежно предвзятая.

И в то же время юмор вполне позволителен. Деррида сам был не чужд юмора, обожал шутки и каламбуры. Увы, здесь мы также терпим неудачу: это специфический юмор французских интеллектуалов. Он восходит корнями к модернистской традиции искусства и мысли европейского континента, известной как «мир абсурда». Столкнувшись с абсурдной ситуацией, простаки-аутсайдеры, обитающие за пределами сего привилегированного интеллектуального заповедника, обычно смеются. Подобная наивность есть проявление прискорбного непонимания.

Абсурд – в высшей степени серьезная вещь. То же самое относится и к юмору Дерриды. Это отнюдь не шутки, не зубоскальство. Не забава (для всех, кроме французов-интеллектуалов). Подобный юмор не располагает к смеху. Деррида, также как и Вуди Аллен, родился в еврейской семье, но даже самое богатое воображение не найдет ничего общего в их юморе. Кто из них двоих – ипохондрик с Манхэттена или великий парижский интеллектуал – пролил больше света на разнообразие человеческой природы, иными словами, кто из них более «серьезен» – это уже другой вопрос.

Жизнь и труды Дерриды

Ключевым в философии Дерриды, философии деконструктивизма, является его утверждение: «Вне текста нет ничего». Вопреки этому и независимо от того, какую текстуальную форму он принимает, тот факт, что Жак Деррида появился на свет в 1930 г. в Алжире, по всей видимости, остается неуязвимым перед натиском деконструктивизма.

Жак Деррида родился в зажиточной семье «ассимилированных» евреев, которые, хотя и принадлежали к местной французской буржуазии, в известной мере оставались в ней чужаками. Детство будущего философа прошло в столице Алжира, в приморском городе того же названия.

Здесь, под средиземноморским солнцем, европейцы вели легкую, беззаботную жизнь. Семейный бизнес, кафе, пляж – вот и весь круг интересов. Все это ярко и убедительно описано другим французом, тоже выходцем из Алжира, писателем и философом Альбером Камю в его книге «Посторонний». Деррида жил на улице Блаженного Августина, и этот факт сыграл главную – хотя и в известной мере случайную – роль в его автобиографии 1991 г.

Этот свой труд Деррида озаглавил «Circumfession», вложив в это слово двойной смысл: «обрезание» и «исповедь». И все же, прочтя книгу до конца, мы не становимся мудрее в отношении обоих понятий. В одном месте, очевидно имея в виду самого себя, Деррида пишет, что «он совершает самообрезание, держа в одной руке лиру, в другой – нож». Однако на следующих страницах философ уточняет: «Обрезание остается угрозой тому, что побудило меня писать эти строки». Элемент исповедальности невнятен в равной степени.

В одном месте Деррида адресует читателю слова о своей матери: «Я все время лгал ей, так же как сейчас лгу всем вам». После этого следует пространная цитата на латыни из «Исповеди» Блаженного Августина. «Circumfession» Дерриды включает немало латинских цитат из Августина, с которым он пытается отождествить себя.

Блаженный Августин родился в 354 г. в римской провинции Нумидии, в северной части современного Алжира, однако другие черты сходства с христианским богословом и философом более поверхностны. Деррида не только отождествляет себя с Августином, но также фантазирует о нем, изображая христианского святого «маленьким евреем-гомосексуалистом» (из Алжира или Нью-Йорка) и даже намекает на свою собственную «невозможную гомосексуальность». А в другом месте признается: «Я не знаю Блаженного Августина».

Отдав дань словам писателя, мы можем перейти на более твердую почву фактов.

В 1940 г., когда будущему философу было всего десять лет, Алжир оказался втянут во Вторую мировую войну. Хотя страна непосредственно не участвовала в боевых действиях и не видела немецких солдат, война отбросила свою черную тень на жизнь французской колонии, ставшей протекторатом Третьего рейха. Уже упоминавшийся Альбер Камю отлично изобразил атмосферу тех лет в другом своем романе, «Чума».

Франция капитулировала, и французский Алжир попал под власть коллаборационистского режима Петена. В соответствии с указами германских нацистов в 1942 г. были приняты расовые законы, разбудившие антисемитские настроения среди местных французов. Директор школы заявил юному Жаку: «Французская культура была создана не для маленьких евреев». В школе утреннее поднятие французского флага доверялось лучшему ученику, но в случае Дерриды предпочтение отдавалось второму по успеваемости в классе. Были введены квоты, ограничивающие для евреев право на учебу в лицее, – не более 14 %.

Директор школы, где учился Деррида, по собственной инициативе сократил квоту до семи процентов, и будущего философа исключили из школы. За стенами школы такое отношение порождало унижительное улюлюканье и даже насилие в отношении детей из еврейских семей.

Как воспринимал это умный и чувствительный ученик Жак Деррида, можно только догадываться. В равной степени понятно и то, что человек с таким опытом юных лет будет отрицать его влияние на свое более позднее мировоззрение. В конце концов, декларируемая им цель состояла в том, чтобы задавать вопросы философии, а не самому себе. Впоследствии Деррида неохотно делился воспоминаниями детства и юности, которые могли быть истолкованы как причинная связь между его жизнью и философскими взглядами. Что отчасти так и было. Не следует забывать, что зрелый Деррида разработал свою философию вопреки всем попыткам ущемить и принизить его интеллект и его самого.

Какое-то время юный Жак Деррида был лишен возможности получать образование. Его записали в частный еврейский лицей, однако большую часть времени Жак тайком от родителей прогуливал занятия. Он осознавал свою причастность к еврейству, и, хотя вырос в европейской среде, теперь не вполне ощущал себя ее частью. Малоприятный болезненный опыт привел его к отрицанию любых разновидностей расизма, и все же, по словам его коллеги Джеффри Беннингтона, Дерриду раздражала «стадная идентификация, воинствующая принадлежность к любому клану или группе, в том числе и к еврейству».

Продолжив школьное образование после войны, Жак Деррида не проявлял усердия в учебе, преуспевая лишь в спортивных играх. Больше всего он мечтал стать профессиональным футболистом.

Подобные стремления на деле могут быть не такими обывательскими, как кажется. Примерно десятью годами ранее Альбер Камю играл вратарем в университетской футбольной команде. Именно в те годы Деррида случайно услышал по радио передачу о Камю, что вызвало его интерес к философии автора «Чумы» и «Постороннего». Новый герой Дерриды был мыслящим человеком, склонным к действию.

Юношеский бунт никак не отразился на интеллекте будущего философа. В девятнадцатилетнем возрасте он отправился учиться в Париж, в *École Normale Supérieure* – Высшую нормальную школу, самое престижное высшее учебное заведение Франции. Увы, после солнечного Алжира жизнь среди серых и холодных парижских улиц лишь усугубила чувство одиночества у юноши.

Вскоре Жак Деррида увлекся нигилистической экзистенциальной философией Жана-Поля Сартра, столь модной в те годы в студенческих кафе левого берега Сены. Сартр декларировал «приоритет экзистенции над сущностью». По его словам, не существует такой вещи, как человеческая сущность. Наша субъективность не дана нам свыше: мы творим ее собственными поступками. Поступки, которые мы совершаем, и делают нас теми, кто мы есть.

В результате стресса, вызванного сессией, дезориентации и злоупотребления лекарственными препаратами (амфетаминами и снотворным) после сдачи первого же экзамена Деррида бросил учебу и пережил нервный срыв. В 1952 г. он вторично поступил в *École Normale Supérieure*, где в течение пяти лет изучал философию. Здесь Деррида начал штудировать труды двух повлиявших на Сартра немецких философов – Гуссерля и Хайдеггера.

Эти мыслители начала XX в. сыграли ключевую роль в становлении феноменологии, «философии сознания», в основе которой лежало утверждение о том, что наше фундаментальное сознание находится за гранью рациональных доказательств и научных фактов. Оно постижимо исключительно через интуицию. Посредством лишь одного этого мы подходим к главным проблемам бытия, самого существования. Таким образом, основа всех наших знаний находится вне границ разума и науки: наше знание коренится в сознании.

В 1954 г. в Алжире разразилась война – местное арабское и берберское население восстало против французов, требуя независимости. Деррида поддержал их борьбу, но в 1957 г., по окончании университета, был призван на службу во французскую армию в Алжире. Деррида добился перевода на гражданскую службу и стал работать учителем в школе для детей французских военных неподалеку от алжирской столицы. Деррида был в ужасе от тех зверств,

какие обе стороны чинили друг против друга. Тем не менее он продолжал мечтать о счастли-
вом будущем для Алжира, в котором французы, арабы и берберы будут жить в мире и дружбе.

С Алжиром была связана жизнь более пяти поколений семьи Деррида; они считали себя
скорее алжирцами, нежели французами. В 1960 г. Жак вернулся во Францию, где получил
место преподавателя философии и логики в Сорбонне. Он уже был женат на Маргерит Окутю-
рье, с которой некогда учился вместе в *École Normale Supérieure*.

Маргерит сопровождала его в Алжире, однако оказалась бессильна предотвратить
депрессию, которая дала о себе знать вскоре по возвращении домой. Война закончилась в
1962 г., Алжир наконец обрел независимость. Результатом стал массовый исход европейцев.
Давняя мечта Жака Дерриды о жизни в независимом Алжире разбилась вдребезги. Отныне им
будет владеть чувство, которое он назовет «ностальжирия».

Но 1962 г. стал для него также годом становления как независимого философа. Деррида
опубликовал свой первый значимый труд. К своему переводу эссе Эдмунда Гуссерля «Начало
геометрии» он присовокупил собственное вступление, которое по объему превосходило сам
перевод.

Гуссерль по образованию был математик, что позволило ему осознать опасность феноме-
нологии, считавшей основой знания интуицию или непосредственные индивидуальные пред-
ставления. Если основа всех знаний лежит за рамками разума и науки, то как индивиду постичь
истину всего того, что не основано на его интуиции? Это означало, что любое математическое
и научное знание относительно. Такие утверждения как $2+2=4$, не были бесспорными, а лишь
возникли из чьего-то интуитивного видения мира. Но ведь другие люди могут интуитивно
воспринимать вещи иначе. В таком случае никто не вправе их отрицать.

Гуссерль пытался спасти философию от такого подвоха, угрожавшего подорвать любое
знание. Он считал геометрию самой точной формой нашего знания, видя в ней образец для
любых научных или математических знаний. Если можно было бы доказать, что наше знание
геометрии лежит за границами относительности, это защитило бы любую научную истину.

По мнению Гуссерля, геометрия имела историческое происхождение и была продуктом
интуитивной деятельности конкретного человеческого существа. Однажды, давным-давно,
некий индивид интуитивно постиг линию, или расстояние, или даже точку. Таким субъек-
тивным образом родилась геометрия, дав существование понятиям «линия», «расстояние»,
«точка» и так далее.

Все эти исходные термины наверняка имели ясное, неоспоримое значение, первоначаль-
но осознаваемое интуитивно. Но как только эти термины были поняты интуитивно, вся
остальная геометрия свелась к открытию логических импликаций, вытекающих из этих осно-
вополагающих посылок.

В Древней Греции Эвклид продемонстрировал, как на основе простейших понятий воз-
никла структура всей геометрии. Сама геометрия неким образом «уже существовала», тер-
пеливо ожидая своего первооткрывателя. Как только ее исходные понятия были интуитивно
осознаны, все остальное стало неопровержимым. Все, больше нет никакого релятивизма. В
отношении любого научного и даже философского знания действует тот же механизм. Да, в
рамках феноменологического подхода оно – исторически говоря – зиждилось на интуиции.
Но нет, оно не относительно, ибо следовало из первоначальных интуиций путем логических
шагов, что раскрывали структуру, которая неким образом «уже существовала», ожидая своего
первооткрывателя. Деррида был убежден, что такая аргументация содержит так называемую
апорию (*aporia*), внутреннее противоречие, которое оставалось неразрешимым.

Доказывая это во вступлении к гуссерлевскому «Началу геометрии» и в более поздних
своих трудах, Деррида заложил основу своей собственной философской позиции. Для «фило-
софии» Дерриды важна не философия как таковая, а возможность подвергнуть ее сомнению.

И он ставит под сомнение весь базис философии и ее способность играть по своим же собственным правилам.

Вся структура философии «испорчена» апорией и как таковая не может быть последовательной. Это было нечто большее, нежели туманный довод относительно основ геометрии: Деррида ставил под сомнение возможность самой философии. И по существу, основы любого знания.

По мнению Дерриды, Гуссерль считал геометрию формой идеального знания, существующего в царстве вневременной истины. Она не подлежит сомнению и остается истинной независимо от человеческого понимания или интуиции. Для Дерриды любая древняя интуиция не имела никакого отношения к тому, что на протяжении столетий геометрия служила образцом для любой научной или философской истины.

Это была идеальная истина, находившаяся за границами царства доказательств. Деррида это оспаривал. Даже если основные моменты этой истины были когда-то, давным-давно, постигнуты интуитивно, сама истина не имела в своей основе жизненного опыта. Согласно Гуссерлю, она уже существовала «там», ожидая, когда ее откроют. Следовательно, *такая* истина не могла основываться на жизненном опыте. Ее невозможно было постичь сознательно – необходимое условие, которое феноменология требует применять ко всем видам знания.

Здесь, в самом сердце философии, лежала апория. Ибо из этого вытекало, что все наше представление о знании противоречиво. Либо наше знание зиждется на интуиции, либо нет. Быть одновременно и тем и этим оно не могло. Откуда мы можем *знать*, что геометрия находится «там» и ждет своего открытия?

И конечно же мы воспринимаем геометрию как истину, потому что применяем к ней логический подход, а не интуитивный. Она может быть логически последовательной в границах своей терминологии, но разве мы способны интуитивно осознавать ее как знание? Какую основу в нашем сознании – основу основ нашего знания – мы имеем для того, чтобы признать ее истинность?

Подобные вопросы могут показаться ничтожными, однако их импликации влияют на всю западную философию и научное знание, лежащее в ее фундаменте. Хайдеггер задавался такими же вопросами и, делая это, выявил скрытое допущение, которое подпирает каркас нашего знания. Не будучи основанным на интуиции индивида, допущение это было чисто метафизическим.

Иными словами, оно лежит как бы вне нашего материального мира. Оно не основано на каком-либо опыте. Хайдеггер показал, что вся западная философия и сопутствующее ей научное знание исходят из того, что как-то, где-то истина может быть подтверждена в некоем абсолютном смысле. То есть существует царство истины, которая не была бы относительной.

То самое «где-то там», где существовала геометрия, было частью некоего царства, «присутствия», где обитала абсолютная истина. Оно также гарантировало все истины. Здесь любая истина подтверждалась своим собственным присутствием. Она существовала. (Иначе бы имело место ее отсутствие.)

Это присутствие было абсолютным, оно гарантировало абсолютную истину. Суть этого существующего присутствия есть не что иное, как некая форма бытия, которому ведомо все, в том числе истинная суть всех вещей, включая и ее самое. В этом смысл данной истины. В этом присутствии, гарантирующем истину всех вещей, имеет место совпадение бытия и знания.

Как показывает Деррида, эта гарантия истины, это присутствие вскрывает новую апорию. Философская идея истины, базирующаяся исключительно на интуиции, становится жертвой собственного внутреннего противоречия.

Абсолютную истину может гарантировать лишь абсолютное царство или присутствие. Любая меньшая конечная истина неизбежно становится относительной. Никким образом любой конечный интеллект, ограниченный собственной интуицией, не может знать, соответ-

стует ли интуитивно постигаемая истина *истине как таковой*. Такое совпадение, такое тождество гарантирует лишь абсолют, который, однако, невозможно постичь интуитивно.

Нетрудно обнаружить за аргументом в пользу «присутствия» призрак божественного. Многие века истиной, гарантирующей такую абсолютную истину, был Бог. Но без такого присутствия – назовите его божественным или абсолютным – никакой истины нет, и нам приходится барахтаться в трясине релятивизма. К геометрии это применимо в той же степени, что и к философии.

И действительно, Деррида заявил, что такое положение дел отрицает саму возможность философии. Теперь становится ясно, почему он не считал себя философом!

Философия шагала по этому пути и раньше. В XVIII столетии шотландский философ Дэвид Юм заявил, что наше знание имеет в основе опыт. Затем, проанализировав это внешне непротиворечивое эмпирическое утверждение, он пришел к ряду удивительных выводов. Доведите такой эмпиризм до предела, и наше знание обратится в прах.

На самом деле мы не ощущаем причинной связи, а воспринимаем ее как череду вещей и событий. Подобным образом мы воспринимаем не предметы, а лишь набор информации, поступающей через органы чувств.

Мы даже не ощущаем самих себя. Мы не имеем прямого опыта самопознания, не обладаем ощущением, которое соответствовало бы личности; у нас нет ничего, что говорило бы нам, что так называемое «я» в один момент идентично тому, что наличествует в следующем. Такое радикальное сужение истины, сведение ее к опыту – узнаваемый предшественник феноменологического интуитивизма – затормозило развитие философии.

Впрочем, это не означало конца философии, как не уничтожило и человеческое знание, особенно науку, в основе которой лежат такие понятия, как причинная связь, идентичность, целостность и так далее. Юм лишь продемонстрировал *статус* нашего знания. Сталкиваясь с таким жестким логическим анализом, нелогичность нашего опыта рушится как картонный домик.

Философия порой способна расшатать статус нашего знания. Теория может этот статус полностью уничтожить.

Однако это не препятствует нашим *попыткам* его обрести. Это особенно верно в области математики и естественных наук, таких как физика. Мы по-прежнему пытаемся получить знания научным образом, даже когда такие антифилософы, как Хайдеггер и Деррида, делают все для того, чтобы подорвать само понятие научной истины.

Более того, мы продолжаем применять научный метод в области, которой еще только предстоит стать наукой. Теория хаоса демонстрирует, как порхание крылышек бабочки в бразильских тропических лесах способно породить торнадо в штате Канзас. Широчайший спектр воздействия массы изменчивых факторов, необходимых для метеорологических прогнозов, слишком сложен и запутан, и потому сводит к нулю точность предсказаний погоды. То же самое относится и ко всем экономическим прогнозам, равно как и к психоанализу.

Все это пока еще не является наукой (и возможно, никогда не станет таковой). Однако факт остается фактом: мы прилагаем все мыслимые усилия для того, чтобы применить к этим областям научную строгость.

Отрицание Дерридой геометрической истины или даже самой возможности философии удивительным образом подпадает под его же собственные ограничения. При умалении истины он автоматически умалает и истинность своих собственных утверждений. Как мы увидим далее, Жак Деррида охотно это признает и даже приходит к отважным и радикальным умозаключениям.

Невозможно спорить с тем, что такая теория (подрываемая или нет своими собственными противоречиями) идет вразрез с нашей практикой. Мы занимаемся экономикой и метеорологией, потому что даже лишённые фундамента знания приносят нам пользу.

Мы можем соглашаться с тем, что такой окончательной гарантии нашего знания, как абсолютная истина, не существует, и тем не менее не подвергаем сомнению то, что три угла плоского треугольника составляют в сумме 180 градусов.

Электрон как часть атома соотносится с ним по размерам как иголка с футбольным стадионом, и все же мы умеем точно рассчитать его поведение. Вся компьютерная техника зиждется именно на таких предсказаниях. И мы принимаем и другие, не связанные напрямую с математикой научные «истины», такие как теория эволюции Дарвина, строение ДНК и так далее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.